

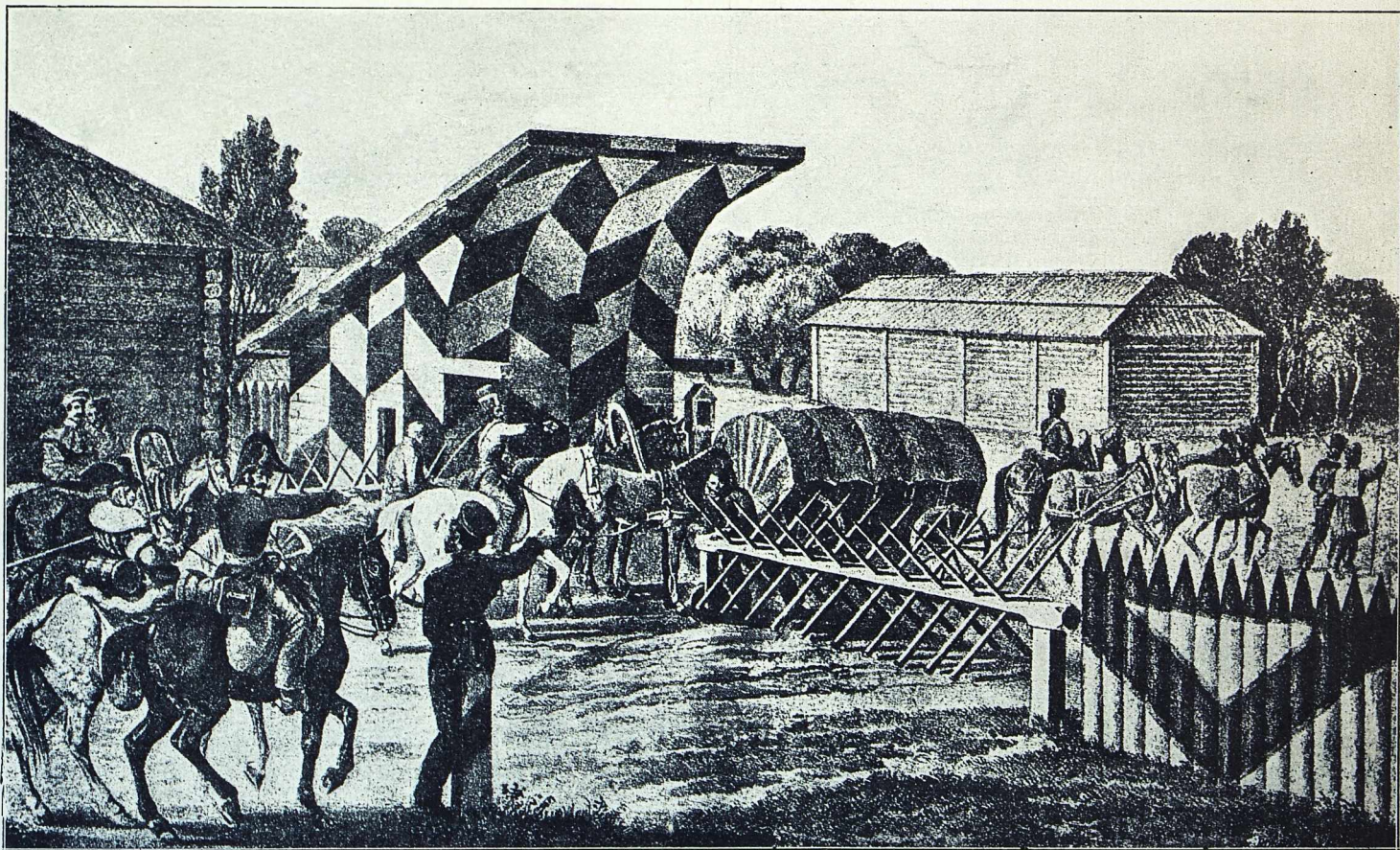
арміи. Вернувшись, я далъ князю Кутузову полный отчетъ всего мною видѣннаго и предложилъ ему то же, что и наканунѣ, а именно укоротить нашъ лѣвый флангъ, но все осталось попрежнему.

„25-го августа непріятель простоялъ неподвижно на занятыхъ имъ наканунѣ высотахъ, хотя его орудія могли обстрѣливать нашу линію; онъ выжидалъ прибытія своей тяжелой артиллеріи, которая осталась позади, такъ какъ ея лошади находились въ то время въ самомъ печальномъ состояніи. Я отправился въ тотъ день на конецъ нашего лѣваго фланга, чтобы поставить на позицію корпусъ Тучкова, находившійся на старой Смоленской дорогѣ, и предложилъ графу Маркову передать подъ его команду 10.000 человекъ ополченія, чтобы непріятель могъ ихъ видѣть; этимъ можно было внушить ему страхъ, такъ что онъ не рѣшился бы двинуть всѣ свои силы противъ Баграціона. Графъ Марковъ охотно согласился на это, а я убѣдился, что всѣ генералы и офицеры ополченія были одушевлены желаніемъ быть полезными и содѣйствовать успѣху предстоявшаго намъ большого сраженія“. Бернарди увѣряетъ, что Беннигсенъ не донесъ Кутузову объ этой перемѣнѣ въ диспозиціи, составленной Толемъ, которая оказалась неудачной и поставила 3-й корпусъ Тучкова въ очень невыгодное положеніе. На другой день былъ убитъ Тучковъ, и многіе писатели, не зная, какъ было дѣло, считали его виновнымъ въ движеніи впередъ, которое было выполнено внезапно по приказанію Беннигсена.

„Вернувшись къ Кутузову, пишетъ Беннигсенъ, я снова настоятельно убѣждалъ его принять боевой порядокъ, утверждая, на основаніи произведеннаго мною осмотра позиціи, что нашему лѣвому флангу придется вынести на себѣ атаку главныхъ силъ Наполеона, тогда какъ правое крыло вовсе не подвергается атакѣ. Поэтому я предложилъ опереть нашъ правый флангъ на деревню Горки и двинуть всѣ остальные войска нашего праваго фланга на поддержку лѣваго крыла. Мои убѣжденія остались и на этотъ разъ безуспѣшны“.

Баронъ Егоръ Ивановичъ
Меллеръ-Закомельскій.

Французы въ Гжатскѣ 24-го августа 1812 г.